Наиболее удачной можно считать первую главу исследования, где внимательно разобраны источники «Великого Зерцала» и его латинские издания. Что касается польских изданий, то автор работы ограничивается лишь известным ему изданием 1633 г., представленным двумя экземплярами, хранящимися в настоящее время в ЦГАДА и принадлежавшими Типографской библиотеке.

Обращаясь к русским спискам, П. В. Владимиров также ограничивает себя известными ему полными 30 списками «Великого Зерцала», выбранными более или менее случайно, совершенно не касаясь неполных списков сборника, представляющих несомненный интерес и насчитывающихся в русских книгохранилищах в очень большом количестве экземпляров. Анализ сборника он строит на изучении списков, принадлежавших Синодальной библиотеке, но эти списки не являются лучшими. Сопоставляя русский текст с польским оригиналом, автор ограничивается двумя-тремя случайно выбранными рассказами, что не дает возможности сделать более или менее обоснованные выводы. Указывая на пропуски, наблюдаемые в русских списках «Зерцала» по сравнению с польским оригиналом, Владимиров лишь вскользь говорит о том, какие именно рассказы опущены, а это очень существенный вопрос.

Кроме того, исследователь не касается сборников, в которые вошли отдельные легенды «Зерцала». В то же время как раз очень важно и интересно выяснить, какие повести «Зерцала» включались в другие сборники, какие из них повторяются чаще, т. е. более привлекают читателей и составителей сборников и, таким образом, наиболее популярны.

Владимиров указывает два типа списков «Зерцала». Это наблюдение требует поправки, так как при просмотре полных списков обнаруживается еще один — третий очень любопытный вариант. Здесь в начале сборника мы читаем рассказ о «тайной вечере» и «страстях» Христа, а за ним — ряд новелл на эту же тему.

Говоря в 3-й главе об отношении «Великого Зерцала» к древнерусской литературе, автор исследования, упомянув о прологах и патериках, сосредоточил свое внимание на синодиках, которым и посвящена в основном вся 3-я глава. О близости некоторых новелл к фацециям и о влиянии «Зерцала» на народное творчество говорится очень немного лишь в конце главы.

Содержание сборника в книге Владимирова далеко не раскрыто. Говоря о содержании «Великого Зерцала», автор делит все входящие в него новеллы на нравоучительные и легендарные. К первым он относит те, которые направлены против женской неверности, нарядов, танцев, всевозможных забав и игр (в частности, охоты), против пьянства, волшебства и нежелания каяться в грехах. Ко вторым — новеллы, близкие к древнерусским легендам и чудесам, в частности житийным и патериковым легендам и рассказам о чудесах богородицы. Но это деление в значительной степени условно, так как в «Великом Зерцале» все повести носят нравоучительный характер и почти все легендарны. Кроме того, Владимиров совершенно не касается социальных и политических мотивов, которые занимают в сборнике немалое место; не выделены им и повести, обличающие пороки духовенства, пользовавшиеся большим успехом у русских читателей, в частности у старообрядцев. Не анализирует он и литературной стороны сборника, — им отмечается только его религиозно-поучительная тенденция.

*

Несмотря на разнообразие содержания и безусловный интерес сборника, несмотря на его широкое распространение среди русских читателей